

Тихонов Владимир Алексеевич

В наши дни

Повести и рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Алексеевич Т.**
В наши дни: Повести и рассказы / Тихонов Владимир Алексеевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 338 с.

ISBN 978-5-519-76876-4

Содержание: Весною; Дело семейное; Ночь; Не пара; Разрыв; "Свете тихий"; Старик;
Двойник; Бабье лето; Последняя ставка; Своя-чужая; По течению; Подгорный

ISBN 978-5-519-76876-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

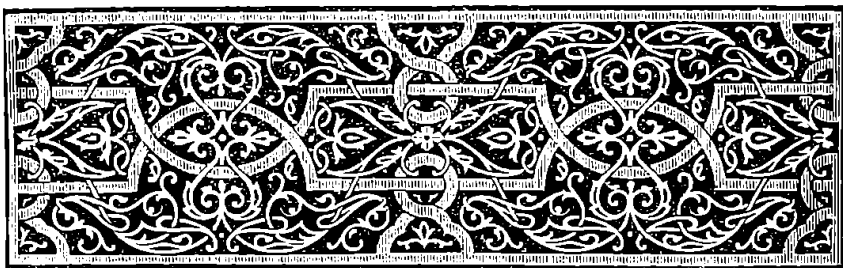
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Весною.

I.

Лeonидъ Иванычъ Кудряшевъ проснулся поздно. Въ комнатѣ было и жарко, и душно, а изъ-за бѣлыхъ коленкоровыхъ занавѣсокъ кое-гдѣ пробивались лучи солнца и золотистая пыль клубилась и плавала въ нихъ. Шея Леонида Иваныча была влажна отъ пота и во всемъ тѣлѣ чувствовалась какая-то лѣнь и пріятная истома.

Первая мысль, которая пришла ему въ голову—это, что сегодня воскресенье и, стало быть, на службу идти не надо; затѣмъ онъ сообразилъ, что хорошо бы открыть окно въ садъ, недурно было бы и выкупаться сходить, да, вѣроятно, вода еще очень холодна, по крайней мѣрѣ, кромѣ кузнеца Елисея никто въ городѣ купаться не начиналъ. А все-таки,—„очень хорошо!“

Голова свѣжа, на душѣ свѣтло и покойно, и здоровое, молодое тѣло такъ сладко разнѣжилось... Чудесно!

— Но окно-то открыть тѣмъ не менѣе слѣдуетъ! и Кудряшевъ, потянувшись еще раза два, надѣлъ туфли, подошелъ къ окну и, поднявъ занавѣску, распахнулъ раму.

— Фу! Какъ славно!

Цѣлая волна свѣжаго воздуха такъ и хлынула на него изъ сада. По распустившимся кустамъ сирени суетливо копошились воробы, безтолково чирикая во все свое маленькое горлышко. Со двора доносился веселый крикъ пѣтуха. Надъ окномъ, подъ крышей, меланхолично ворковали голуби. Воздухъ такой чистый, прозрачный; молодая, еще маслянистая листва ярко блеститъ на солнцѣ, садъ почти весь уже зазеленѣлъ, только старыя липы кое-гдѣ стоятъ голыми. Надъ цвѣтами жужжитъ пчела; мухи мелькаютъ сѣрыми точками...

Кудряшевъ присѣлъ на подоконникъ и, ничего не думая, принялся глядѣть въ садъ. Начало чьего-то стихотворенія вспомнилось ему вдругъ и онъ продекламировалъ:

Я открылъ глаза... хоть право я не знаю—
На яву то было, или въ сновидѣньѣ,—
Но кругомъ сверкало все улыбкой мая,
Но изъ кущъ зеленыхъ раздавалось пѣнье...

Счастливая улыбка появилась при этомъ на его молодомъ и красивомъ лицѣ. Потомъ онъ повернулъ голову въ комнату и, все не переставая улыбаться, оглядѣлъ ея давно знакомыя стѣны съ дешевенькими гравюрами, свою желѣзную кровать со скомканной постелью, этажерку съ книгами, ветхій письменный столикъ, всегда такъ тщательно имъ прибранный. На столѣ бѣлѣлась какая-то записка, Кудряшевъ и по ней скользнулъ глазами. Потомъ вдругъ соскочилъ съ подоконника, торопливо подошелъ къ столу, взялъ эту записку въ руки, прочиталъ ее, и сердце у него болѣзненно завыло, улыбка сбѣжала съ

лица и ее замѣнило какое-то удивленное и испуганное выраженіе.

— Ахъ да... вѣдь вотъ... какъ же я и забылъ совѣмъ... растерянно пробормоталъ онъ и еще разъ уже вслухъ прочиталъ содержаніе записки: „Петербургъ, Надеждинская, 83, Николаю Ивановичу Кудряшеву. Поздравь меня—женюсь, счастливъ. Подробности письмомъ. Леонидъ“.

Это была телеграмма, заготовленная имъ вчера вечеромъ для отсылки его старшему брату въ Петербургъ. За позднимъ временемъ она была не отправлена и осталась на письменномъ столѣ.

— Какъ же это я забылъ?.. Гмъ... Вотъ удивительно!.. Эдакое забылъ...—несвязно разсуждалъ Кудряшевъ, опускаясь въ кресло передъ столомъ.

И вдругъ ему сдѣлалось невыносимо скучно. Онъ теперь ясно вспомнилъ все, что произошло вчера вечеромъ, и въ душѣ у него, какъ черви, закопошились разные мысли, вопросы, сомнѣнія. Ему стало жаль и себя и этого свѣтлаго весенняго дня, который какъ будто померкъ уже немного, и своей холостой обстановки, которой онъ такъ еще недавно и часто тяготился и тяготился такъ же безпричинно, какъ теперь жалѣлъ ее. А, главное, ему было страшно! Страшно передъ неизвѣстнымъ будущимъ, передъ новой предстоящей жизнью. Каждый разъ, когда ему приходилось мѣнять квартиру, онъ всегда съ сожалѣніемъ разставался со старой, какъ бы дрянна и неудобна она ни была, и съ чувствомъ безотчетнаго страха въѣзжалъ въ новую—незнакомую еще ему. Да, а тутъ вѣдь не квартира, тутъ нѣчто болѣе серьезное — такъ какъ же не оробѣть, какъ же не испугаться передъ грядущимъ? Да и вообще, слѣдовало ли дѣлать этотъ шагъ?.. Хорошо ли онъ поступилъ? Не поторопился ли онъ?

Вѣдь онъ еще такъ, въ сущности, молодъ. Что ему?— всего двадцать четвертый годъ! И почему это раньше онъ представлялся себѣ такимъ старикомъ, такимъ уже пожившимъ человѣкомъ? Конечно, еслибы у него была мать, или сестра, онъ не испытывалъ бы такого одиночества, такого неудержимаго влеченія къ домашнему очагу, къ семейной жизни... А то ихъ всего только двое — братъ, да онъ. Братъ служить въ Петербургѣ; его судьба занесла на службу сюда, въ этотъ глухой городишко. И всегда-то онъ одинъ или въ холостой, безпутной компаніи такихъ же бобылей, какъ и онъ. Сердце измаялось, тутъ ужъ всякому исходу обрадуешься. Да, но вѣдь это всю жизнь на карту ставить!.. вѣдь это навсегда! Впрочемъ, почему же и навсегда? Ну, не понравимся, не сойдемся характерами и разойтись можно! Что его можетъ удержать?..

— Фу! Что это я за свинство думаю! спохватился вдругъ Кудряшевъ, отирая рукой запотѣвшій лобъ.— Эдакія подлости въ голову лѣзутъ! Развѣ время уже разсуждать объ этомъ, когда все произошло... все свершилось...

Въ дверь кто-то постучался.

— Кто тамъ? окликнулъ Кудряшевъ.

— Встали, что ли?

— А это ты, Федосья... Сейчасъ, погоди — одѣнусь только! и, накинувъ на себя старое лѣтнее пальто, онъ отперъ дверь и впустилъ въ комнату кухарку, державшую въ рукахъ глиняный тазъ и мѣдный рукомойникъ.

— Съ праздникомъ! поздоровалась она, добродушно улыбаясь и устанавливая на табуреткѣ принадлежности умыванья.

— Спасибо! уныло отозвался Леонидъ Ивановичъ.

— Умываться-то будете? Да вы что это словно невеселы? Али не выспались?

— Нѣтъ, ничего... выпался, кажется... неопредѣленно отозвался онъ, засучивая рукава и принимаясь умываться.

— А наша барышня и по сейчасъ еще спитъ. Заглянула я это къ ней въ комнату—разметалась вся, такъ и пышетъ. Ну ужъ и невѣсту подцѣпили вы, Леонидъ Ивановичъ!

— А что?

— Да одно слово—крупитчатая... Что твоя рѣпа—ядренная... Хошь какому енаралу, такъ въ пору...

Холодная, колодезная вода пріятно освѣжала разгорѣвшееся лицо и шею Леонида Ивановича, а наивныя рѣчи Федосьи щекотали его самолюбіе и успокоительно дѣйствовали на приунывшую было душу.

— Да, ужъ барышня, говорить нечего, пава какъ есть... Теперича какія у нея плечи, да я такихъ и не видывала, бѣлая—что твой сахаръ, али бо—ножки...

„Да, плечи у Вареньки дѣйствительно хороши“, вспоминалъ уже со значительно повеселѣвшимъ видомъ Кудряшовъ, вытираясь расшитымъ полотенцемъ и съ удовольствіемъ поглядывая въ маленькое зеркальцо на свое раскраснѣвшееся и мужественное лицо. „Вообще, фигура у нея очень пластична, да и лицо... Что-же, собственно говоря, и лицо вѣдь довольно миловидно...“

— Да, Леонидъ Ивановичъ, таланъ вамъ, и говорить нечего, не унималась между тѣмъ Федосья. — Вотъ теперь у васъ домикъ свой будетъ, хозяйство... а то что такъ-то бобылемъ мыкаться... Мы ужъ васъ теперь не какъ жильца, а какъ хозяина почитать станемъ...

Послѣднія слова кухарки напомнили Кудряшеву, что сегодня какъ разъ срокъ платить Серафимъ Васильевичъ за комнату и за столъ. Деньги, положимъ, у него были, но въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что за уплатой слѣдуемыхъ двадцати пяти рублей, осталось бы всего-

на-всего рублей шестнадцать, не больше—это было крайне неприятно... Впрочемъ, утѣшалъ онъ себя, Серафима Васильевна теперь ужъ вѣроятно отъ всякой платы откажется, хотя предложить, конечно, слѣдуетъ, но не возметь же она денегъ за столъ и квартиру со своего будущаго зятя. А все-таки это очень досадно, что онъ такъ подвелъ себя, въ самую-то нужную минуту и безъ копѣйки. Ну, да это все вздоръ, не въ этомъ дѣло!..

— Ахъ, да чуть было не забыла! спохватилась вдругъ Федосья, собиравшаяся уже вынести тазъ.—Письмо ваше сегодня утромъ доставила...

— Какое письмо?

— Какъ какое? да что вчера вечеромъ дали—къ Ильѣ-то Марковичу. Али забыли? Ишь-ты, счастье-то всю память отшибло!

— Ахъ, да! вспомнилъ Кудряшовъ.—Ну, что же онъ?

— Сказали, что зайдутъ безпремѣнно... Такъ и скажи, говорить, безпремѣнно, что зайду. Чай-то пить сегодня у господъ, поди, будете?

— Да, да... тамъ...

— То-то не все по холостому въ своей комнаткѣ! улыбнулась Федосья и вышла изъ комнаты.

Оставшись одинъ, Кудряшовъ подошелъ къ окну и снова задумался.

— И на кой чортъ я написалъ вчера Каулину?! размышлялъ онъ.—Да еще къ себѣ зайти просилъ! Развѣ онъ пойметъ все это? Ему, конечно, и странно, и дико покажется при его-то воззрѣніяхъ на жизнь.. А что такое вчера Серафима Васильевна про домъ говорила? Заложень, кажется? Кажется, что заложень... Впрочемъ, вчера не до этого было. Да, въ сущности говоря, не все-ли равно, ну, заложень—эка бѣда! Онъ получаетъ жалованье — выплатить мало-по-малу и тогда... Да, и

тогда навсегда, на всю жизнь уже здѣсь — въ этомъ Пусто-Озерномъ переулкѣ, въ этомъ тѣсномъ ветхомъ домишкѣ, по уши въ мелкихъ уѣздныхъ дразгахъ и сплетняхъ, въ этой тинѣ, въ этомъ болотѣ!.. И прощайте на вѣкъ радужныя молодныя грезы, университетскія мечты, планы, предположенія... все прощай,—самъ добровольно подстрижетъ онъ свои крылья и заживо замуравитъ себя въ могилу!..

И Леониду Ивановичу стало опять невыносимо грустно, опять какой-то червякъ засосалъ у него подъ сердцемъ. Онъ смотрѣлъ въ садъ, а тамъ какъ на зло, все такъ ликовало, кипѣло такою полною, такою радостною жизнью и слезы начали подступать у него къ горлу.

— Эхъ, въ сущности говоря, какой все это вздоръ! Ну, къ чему создавать себѣ всевозможныя формы, условныя отношенія, безмысленныя обязанности? Не лучше ли жить совѣмъ такъ просто, какъ вонъ этотъ воробей?.. разсуждалъ Кудряшевъ, глядя на хохлатого и задорнаго воробья, бойко прыгавшаго по засоренной дорожкѣ и однимъ глазомъ поглядывавшаго на открытое окно, а другимъ зорко выслѣживая себѣ какую-нибудь добычу.

— А, вѣдь, это онъ въ гнѣздо потащилъ! сообразилъ вдругъ Леонидъ Иванычъ, увидавъ, какъ занимавшій его воробей, подхвативъ какую-то соломенку, умчался въ голубую даль весенняго неба.—Стало быть формы-то и обязанности и у воробья существуютъ. Такъ въ чемъ же дѣло-то? Въ чемъ же дѣло? Отчего-же ему-то, Кудряшеву, такъ больно и грустно? Отчего-же онъ такъ унылъ и печаленъ?

— Леонидъ Иванычъ, вы одѣты? раздался голосъ за дверью.

— Одѣтъ, Серафима Васильевна! отозвался Кудряшевъ.

— Такъ идите чай пить. Варенька уже встала.

Кудряшевымъ вдругъ овладѣла какая-то робость—онъ не зналъ, какъ онъ теперь встрѣтится со своей невѣстой, какъ они будутъ держать себя другъ съ другомъ. До вчерашняго дня онъ такъ смѣло и увѣренно являлся къ нимъ въ столовую, такъ развязно здоровался и такъ весело начиналъ о чемъ-нибудь бесѣду, а сегодня... Но дѣлать было нечего и онъ, оправивъ слегка передъ зеркаломъ свою прическу, вышелъ изъ комнаты.

— А онъ неужели совершенно спокоенъ? задалъ онъ себѣ вопросъ, проходя по маленькому коридорчику.

II.

Въ столовой, за чайнымъ столомъ, сервированнымъ на этотъ разъ болѣе тщательно, чѣмъ обыкновенно, сидѣла Серафима Васильевна и наливала чай. Въ зубахъ у нея была неизмѣнная папироска, а смятый чепчикъ на головѣ торчалъ такъ же криво, какъ и всегда. Леонидъ Ивановичъ подошелъ къ ней и довольно торопливо поцѣловалъ протянутую ему руку. Это ему приходилось дѣлать всего во второй разъ: вчера—когда онъ получилъ согласіе на бракъ съ Варенькой, и вотъ сегодня. Вчера ему показалось, что рука Серафимы Васильевны пахнетъ чѣмъ-то непріятнымъ,—не то лукомъ, не то дряннымъ табакомъ. Сегодня этого запаха не замѣчалось, но, тѣмъ не менѣе, въ головѣ у него мелькнуло, что неужели ему каждый день придется цѣловать эту руку.

— Bonjour! Варенька сейчасъ выйдетъ! процѣдила Серафима Васильевна на его привѣтствіе.

Леонидъ Ивановичъ занялъ свой стулъ.

— Ну, какъ спали? обратилась къ нему хозяйка.— Что во снѣ видѣли?

— Ничего, благодарю васъ, спать хорошо, а во снѣ, кажется, ничего не видалъ... сконфуженно отвѣтилъ Леонидъ Иванычъ.

— Бүдто?! не безъ лукавства улыбнулась Серафима Васильевна и потомъ, помолчавъ немного, заговорила вдругъ какимъ-то сентиментальнымъ, вообще такъ мало присущимъ ей голосомъ:

— Ахъ, я просто еще въ себя придти не могу! Все это произошло такъ быстро, такъ неожиданно... Ну, могла-ли я ожидать?.. Вѣдь вы поймите, Леонидъ Иванычъ,—она одна у меня, единственная моя отрада и утѣшеніе!.. И потомъ вы знаете наши дѣла!.. Мой мужъ пропадаетъ Богъ знаетъ гдѣ, мы не видимъ отъ него никакой поддержки, а, напротивъ, только однѣ непріятности... Я—женщина воспитанная совѣмъ не въ этой сферѣ и мнѣ такъ трудно, такъ тяжело и вдругъ теперь—Варенька!.. Вы ужъ не обижайте ее, любите, берегите вы мнѣ мою крошку, а то я... я просто ужъ и не знаю—я, кажется, не переживу, если она будетъ такъ же несчастна, какъ и ея бѣдная мать!.. Глаза Серафимы Васильевны, съ мольбою устремленные на Кудряшева, при послѣднихъ словахъ сдѣлались даже влажны.

— Да полноте... ну что вы, Серафима Васильевна!.. неужели вы сомнѣваетесь? растерянно лепеталъ молодой человѣкъ, упорно глядя себѣ въ стаканъ.

— Ахъ, Леонидъ Иванычъ, я знаю, всѣ такъ говорятъ сначала, а потомъ...—хотѣла было продолжать его будущая теща, но въ это время дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась и въ комнату вошла сама Варенька.

Леонидъ Иванычъ приподнялся съ мѣста и сдѣлалъ шагъ къ ней навстрѣчу. Варенька улыбнулась, кокетливо опустила глаза и протянула ему руку, которую тотъ почтительно поцѣловалъ.

— Да, что ужъ!.. ужъ поцѣлуйтесь, какъ слѣдуетъ! Чего тамъ! разрѣшила Серафима Васильевна, съ умиленіемъ посматривая на эту сцену.

Варенька довольно смѣло подставила свою пухлую щеку. Цѣлуя ее, Леонидъ Ивановичъ замѣтилъ, что пудра возлѣ уха плохо стерта, а у подбородка разглядѣлъ два маленькихъ красныхъ прыщика.

Когда они снова заняли свои мѣста возлѣ чайнаго стола, наступило неловкое молчаніе. Женихъ чувствовалъ себя совсѣмъ потеряннымъ подъ масляными и не то ласкающими, не то скорбящими взглядами Серафимы Васильевны. Барышня же, очевидно, ждала, чтобы онъ заговорилъ первымъ.

— Варя, а у тебя подъ мышкой-то, кажется, опять лопнуло! нарушила, наконецъ, молчаніе сама мамаша.

— Развѣ лопнуло? Ахъ, да! А я и не замѣтила... довольно равнодушно отозвалась дочь, прощупывая рукой лопнувшее мѣсто.

Замолчали опять.

Варенька такъ аппетитно жевала булку съ масломъ и запивала большими глотками чая, что даже вздыхала отъ удовольствія. Леонидъ Ивановичъ сидѣлъ понуро и только изрѣдка, прихлебывая изъ остывшаго стакана, бросалъ короткіе взгляды на свою невесту. Серафима Васильевна такъ и застыла со своей не то скорбящей, не то умиленной фizioноміей.

„Отчего это у нея кончикъ носа всегда такъ лоснится?“ думалъ про себя Кудряшевъ, поглядывая на маленькій и круглый носикъ своей невесты „и потомъ вотъ еще около бровей краснота какая-то“.

— Охъ, хо, хо! вздохнула среди общаго молчанія Серафима Васильевна, — и жаркій-же сегодня день будетъ, совсѣмъ лѣто!